

Говард Филлипс Лавкрафт

Склеп

(The Tomb)

Поелику события, о коих будет здесь рассказано, привели меня в лечебницу для душевнобольных, я сознаю, что это обстоятельство ставит под сомнение достоверность моей повести. К сожалению, невозможно отрицать, что значительная часть рода человеческого весьма ограничена в своих способностях относительно ясновидения и предчувствий. Таковым тяжело понять немногочисленных индивидуумов, обладающих психологической утонченностью, чье восприятие некоторых ощутимых феноменов окружающего мира простирается за пределы общепринятых представлений. Людям с более широким кругозором ведомо, что четкой границы между реальным, действительным и ирреальным воображаемым не существует, что каждый из нас, благодаря тонким физиологическим и психологическим различиям, воспринимает все явления по-своему. Именно из-за них столь непохожи все наши чувства. И однако, прозаический материализм большинства метит клеймом безумия иррациональные явления, не вмещающиеся в прокрустово ложе обыденной рассудочной логики.

Мое имя - Джервас Дадли. С раннего детства я был отрешенным, далеким от жизни, мечтателем и оригиналом. Материальное положение моей семьи освобождало меня от забот о хлебе насущном. Весьма импульсивный склад моего характера отвращал меня и от научных занятий, и от развлечений в кругу друзей или близких. Я предпочитал оставаться в царстве грез и видений, вдали от событий реального мира.

Юность свою я провел за чтением старинных и малоизвестных книг и рукописей, в прогулках по полям и лесам в окрестностях наших наследственных владений. Не думаю, что вычитывал в книгах и видел в лесах и полях то же самое, что и все прочие. Но не стоит особо останавливаться на этом, ибо рассуждения на эту тему лишь дадут пищу безжалостному злословию насчет моего рассудка, какое я и ранее различал в осторожном перешептывании за моей спиной. С меня вполне достаточно просто поведать о событиях, не углубляясь в механизм причинно-следственных связей.

Как было упомянуто выше, я обитал в королевстве грез и фантазий, отбравшись от реалий материального мира, но я не утверждал, что пребывал там один. В природе не существует абсолютного одиночества. Особенно оно не свойственно человеку - ведь из-за недостатка или отсутствия дружеского общения с окружающими его неодолимо влечет к общению с миром иным - тем, что уже не существует вживе, или никогда не был жив.

Неподалеку от моего дома лежит уединенная лощина, в полумраке которой я проводил почти все свое время, предаваясь чтению, размышлениям и грезам. На этих мшистых склонах я сделал первые младенческие шаги, в сени этих сучковатых, диковинно искривленных дубов родились мои детские фантазии. Близко ли узнал я лесных нимф? Часто ли следил за их самозабвенными фантастическими плясками при слабых проблесках ущербного месяца?.. Однако сейчас речь не о том. Я расскажу вам лишь об одиноком склепе, таившемся в сумраке леса, о заброшенном склепе семейства Хайд, старинного и благородного рода, последний прямой потомок которого упокоился во тьме гробницы за несколько десятилетий до того, как я пришел в мир.

Фамильный склеп, о коем я повествую, был выстроен из гранита, с течением лет от частых дождей и туманов поменявшего своей цвет. Увидеть склеп, глубоко вросший в склон холма, можно было только оказавшись у самого входа. Дверь, представляющая собой тяжелую, лишенную украшений гранитную плиту. Она дергалась на проржавевших дверных петлях и была до странности неплотно прикрыта железными цепями и висячими замками, сработанными в отталкивающем стиле полувековой давности. Родовое же гнездо, некогда венчавшее вершину холма, не так давно стало жертвой пожара, приключившегося вследствие удара молнии. О той достопамятной грозе, разразившейся среди ночи, местные старожилы порой говорили тревожным шепотом, намекая на "кару господню". Сами эти слова, и тон, каким они произносились, усиливали во мне и без того сильное влечение к руинам, могилам и гробницам, таящимся в сени густых лесов. В пламени того пожара погиб лишь один человек.

Последний из рода Хайд по смерти был погребен в этом тихом тенистом месте. Бренные останки его перевезли сюда из тех далеких краев, где, после того как сгорел особняк, нашло пристанище это семейство. Не осталось никого, кто положил бы цветы у гранитного портала, и мало кто осмелился бы без страха вступить в гнетущий полумрак, окружающий склеп. Полумрак, где, казалось, бродили привидения.

Никогда не забыть мне дня, когда я впервые натолкнулся на эту потаенную обитель, приютившую смерть. Это случилось в середине лета, когда алхимия природы превращает ландшафт в почти однородную зеленую массу, когда шелест окружающей листвы, влажной после дождя, и не поддающиеся точному определению запахи почвы и растений приводят тебя в упоение. В столь живописном месте невольно прекращается работа мысли, время и пространство превращаются в незначащие нереальные категории, а эхо позабытого доисторического прошлого настойчиво отдается в зачарованном мозгу.

Весь день я блуждал по лощине, по таинственной дубраве, размышляя о том, чего не следует обсуждать. Мне было от роду всего десять лет. Я видел и слышал такие чудеса, что недоступны толпе, и непонятным образом чувствовал себя совершенно взрослым в некоторых отношениях. Когда, с усилиями прорвавшись сквозь густые заросли вереска, я неожиданно натолкнулся на вход в склеп, то ни в малой степени не понял, что обнаружил. Темные гранитные глыбы, загадочно приоткрытая дверь, скорбные надписи над порталом не рождали у меня никаких мрачных или

неприятных ассоциаций. Я знал о существовании могил и склепов, много о них размышлял, но мои близкие, зная особый склад моего характера, стремились оградить меня от посещений кладбищ. Удивительный каменный домик на лесистом склоне был для меня не больше, чем поводом для любопытства, а его сырое холодное лоно, куда я тщетно пытался проникнуть сквозь соблазнительно приоткрытую дверь, даже не намекало мне на смерть или тление. Но в то же мгновение у меня, словно у безумца, вместе с любопытством зародилось неудержимое желание, которое привело меня в ад моего нынешнего заточения. Понуждаемый зовом, исходящим, должно быть, из страшной лесной чащи, я решился пройти в манящий мрак, несмотря на тяжкие цепи, заграждающие проход. В умирающем свете дня я с грохотом тряс железные заслоны каменной двери, стремясь пошире раскрыть ее, пытаясь протиснуть свое худенькое тело через узкую щель. Но мои усилия были тщетны. Испытывая поначалу лишь обычное любопытство, я постепенно превратился в одержимого, и когда, в сгустившемся сумраке я вернулся домой, то поклялся всеми богами, что любой ценой когда-нибудь взломаю дверь, ведущую в эти темные недра, что, казалось, звали меня. Врач с седоватой бородкой, каждый день посещающий мою палату, однажды сказал кому-то из посетителей, будто это решение и послужило началом моей болезни - монomanии, однако я оставляю окончательный приговор за читателем, когда он все узнает.

Месяцы, воследовавшие за моим открытием, протекли в бесплодных попытках взломать сложный висячий замок, а еще - в крайне осторожных расспросах, относительно того, как возникла здесь эта постройка. От природы наделенный восприимчивым разумом и слухом, я сумел многое узнать, хотя прирожденная скрытость принуждала меня никого не посвящать в свои замыслы и планы. Вероятно, следует упомянуть, что я отнюдь не был изумлен или испуган, когда узнал о предназначении склепа. Мои весьма своеобразные понятия о жизни и смерти смутно отождествляли холодные останки с живым телом, и мне чудилось, будто то большое злосчастное семейство из сторевшего особняка неким образом переселилось в темные глубины, которые я сгорал желанием познать. Случайно подслушанные рассказы о мистических ритуалах и кощунственных пирах в том древнем особняке пробудили у меня новый глубокий интерес к приюту, у дверей которого я сживал ежедневно по несколько часов кряду. Раз я бросил в полуоткрытую дверь свечу, но не сумел ничего увидеть, за исключением серых каменных ступеней, ведущих в небытие. Запах внутри был отвратителен, он отталкивал и одновременно чаровал меня. Мне чудилось, будто раньше, в далеком-далеком прошлом, спрятанном за пределами моей памяти, я его знал. Год спустя после этого происшествия на чердаке нашего дома, заваленном книгами, наткнулся я на изъеденные жучком плутарховы "Жизнеописания". Меня сильно поразило то место в главе о Тезее, где было рассказано об огромном колесе, под которым будущий герой отрочестве должен был найти знамение своей судьбы, едва лишь станет настолько взрослым, чтобы сдвинуть тяжелый камень. Предание это успокоило мое алчное нетерпение попасть в склеп, ибо я наконец понял, что еще не пришло мое время. Потом, сказал себе я, когда вырасту, наберусь сил и разума, я без труда смогу открыть дверь с тяжкими цепями, а до тех пор лучше подчиниться предначертаниям Рока.

Мои бдения подле ледящего сырого портала вследствие этого решения стали реже и короче, я начал отводить много времени иным, не менее оригинальным занятиям. Порой ночами я беззвучно поднимался с постели и украдкой покидал дом, дабы побродить по кладбищам или местам, где имелись погребения, от посещений коих меня столь тщательно оберегали родители. Не могу рассказать вам, чем я там занимался, так как теперь сам уже не уверен в минувшем, но хорошо помню, как нередко поутру после подобных ночных вылазок я изумлял домашних своей способностью говорить на темы, почти забытые многими поколениями. Именно после одной такой ночи я потряс семью подробностями о похоронах богатого и прославленного сквайра Брюстера, некогда славного в наших краях и погребенного в 1711 году, чей иссиня-серый надгробный камень с высеченными на ней двумя скрещенными берцовыми костями и черепом, постепенно обращался во прах. Мое детское воображение тут же нарисовало не только то, как владелец похоронной конторы Гудмэн Симпсон стащил у покойника башмаки с серебряными пряжками, шелковые чулки и облегающие атласные кюлоты, но и как сам сквайр, погребенный в летаргическом сне, дважды перевернулся в гробу под холмиком могилы на другой же день после похорон.

Надежда забраться в склеп никогда не оставляла меня, и еще больше укрепило ее неожиданное генеалогическое открытие, что мать моя была в родстве, хоть и отдаленном, с якобы вымершим семейством Хайд. Последний в роду по отцовской линии, я был, вероятно, также последним и в этом старинном и загадочном роду. Я начал чувствовать, что склеп этот был моим, и с жадным нетерпением ожидал мгновения, когда смогу открыть массивную каменную дверь и спуститься по осклизлым гранитным ступеням во тьму подземелья. Теперь я приобрел привычку стоять у приоткрытой двери склепа и вслушиваться со всем возможным вниманием. Ко времени своего совершеннолетия я успел протоптать небольшую прогалину ко входу в склеп. Кусты, окружавшие его, замыкались полукольцом, словно некая ограда. А ветки деревьев, нависая сверху, создавали некую крышу. Этот приют был моим храмом, а запертая дверь - алтарем, и у него я порою лежал, вытянувшись на мху. Станные мысли и видения посещали меня.

Свое первое открытие я совершил одной душной ночью. Вероятно, от утомления я впал в забытие, ибо отчетливо помню, что в миг пробуждения услышал голоса. Об их интонациях, тоне, произношении я говорить не осмелюсь; об их характерных особенностях, тембрах я говорить не хочу; могу лишь рассказать о колоссальных различиях в словарном составе, акценте и манере произношения. Все возможное многообразие - от диалектов Новой Англии, необычных звуко сочетаний первопоселенцев-пуритан до педантичной риторики полувековой давности, казалось, было представлено в этой смутной беседе. Хотя на эту удивительную особенность я обратил внимание лишь позже. В ту же минуту мое внимание было отвлечено другим явлением, столь мимолетным, что я не смог бы клятвенно утверждать, будто оно действительно произошло. Но было ли игрой моего воображения то, что в миг моего пробуждения сразу же погас свет в окутанном мраком склепе? Не думаю, что я был удивлен или охвачен паникой, но знаю, что очень сильно переменялся в ту ночь. По возвращении домой я тут же направился на чердак, к полусгнившему комоду, где обнаружил ключ, при посредстве которого на

следующий же день легко захватил столь долго осаждаемую крепость. Когда я впервые ступил под своды склепа, в эту покинутую, всеми забытую обитель полился рекой мягкий послеполуденный свет. Я стоял, словно околдованный, сердце мое колотилось в неопишемом ликовании. Едва я закрыл за собою дверь и спустился по осклизлым ступенькам при свете моей единственной свечи, мне все почудилось там знакомым, и, хотя свеча трещала, разнося удушающие миазмы, я странным образом чувствовал себя как дома в затхлой атмосфере склепа. Осмотревшись, я увидел множество мраморных плит, на которых стояли гробы, точнее говоря, то, что от них осталось. Некоторые были невредимы и плотно закрыты, другие же почти полностью развалились, став кучей белесоватого праха. Не тронутыми временем оставались лишь серебряные ручки и таблички с именами. На одной из них я прочел имя сэра Джеффри Хайда, прибывшего из Суссекса в 1640 году и через несколько лет скончавшегося. В глаза мне бросилась ниша, где разместился отлично сохранившийся гроб со сверкающей табличкой, на которой было выгравировано одно лишь имя, заставившее меня улыбнуться и вздрогнуть одновременно. Какое-то непонятное чувство побудило меня вскарабкаться на широкую плиту, задуть свечу и погрузиться в холодное лоно ждущего своего хозяина дубового одра.

В седой предрассветной мгле я неверной походкой вышел из-под сводов гробницы и запер за собой замок. Больше я не был молодым, хотя всего лишь одна зима остужала мою кровь. Рано встающие деревенские жители, видя мое возвращение домой, смотрели на меня с изумлением. Они удивлялись, читая, по их мнению, следы буйной пирушки на лице человека, которого считали воздержанным и ведущим замкнутую жизнь. Родителям своим я показался только после того, как освежился сном.

С тех пор я каждую ночь посещал склеп - видел, слышал, делал то, о чем не должен вспоминать. Первой претерпела перемену моя речь, изначально восприимчивая к различным влияниям, и вскорости близкие заметили, что моя манера изъясняться стала архаичной. Затем в моем поведении начали проявляться необъяснимые самоуверенность и безрассудство, и вскоре я, несмотря на свое пожизненное отшельничество, поневоле приобрел манеры светского человека.

Прежде молчаливый, я стал красноречив, прибегая в разговоре то к изящной иронии Честерфилда, то к богохульному цинизму Рочестера. Я проявлял невероятную эрудицию, в корне отличную от причудливых сочинений аскетов, бывших постоянным предметом моих юношеских размышлений, сочинял экспромтом вольные эпиграммы в духе Гэя, Прайора, и своеобразного остроумия Августина. Как-то поутру за завтраком я чуть было не навлек на себя беду, обрушив с демонстративным пафосом на слушателей поток вакхически непристойных фраз одного поэта восемнадцатого века, декламируя их с георгианской игривостью, вряд ли уместной на страницах моей повести.

Примерно в это же время я начал испытывать страх перед пламенем и грозами. Прежде относясь к подобным явлениям со спокойным безразличием, теперь я чувствовал неизъяснимый ужас, и, когда грохочущие небеса изрыгали всего лишь

электрические разряды, прятался в самых укромных уголках дома. Излюбленным моим убежищем стал разрушенный подвал сгоревшего особняка. Воображение рисовало мне его изначальный вид. Однажды я ненароком перепугал одного селянина, с уверенностью приведя его в неглубокий погреб, о существовании коего я, как выяснилось, знал, хотя он был укрыт от глаз и позабыт на протяжении многих поколений.

Наконец наступил период, приближения которого я ждал со страхом. Родители мои, встревоженные переменами в манерах и облике своего единственного сына, с намерениями самыми добрыми стали прилагать все усилия, чтобы проследить каждый мой шаг. Это угрожало бедой. Я никому не рассказывал о посещениях склепа, сизмальства ревностно оберегая свою тайну. Теперь же я был вынужден прибегнуть к тщательным предосторожностям, проложив хитрый лабиринт в лесной ложбине, дабы сбить с толку возможного преследователя. Ключ от склепа я носил на шнурке, на шее. Известно было об этом лишь мне одному. Я никогда не выносил за пределы склепа ничего, что привлекало мое внимание во время моего там пребывания.

Однажды утром, когда я не слишком твердой рукой закреплял дверную цепь, покинув склеп после очередного ночного бдения, я заметил в зарослях искаженное страхом лицо наблюдателя. Без сомнений, близился час расплаты, ибо приют мой был открыт и причина моих ночных отлучек установлена. Тот человек не заговорил со мной, и я поспешил домой, надеясь подслушать, что сообщит он моему удрученному заботами отцу. Неужели все мои ночные пристанища, помимо того, что укрывалось за тяжелой цепью, известны посторонним? Представьте же мое радостное изумление, когда я услышал, как выследивший меня осторожным шепотом поведал отцу, что я провел ночь рядом со склепом. Каким-то чудом наблюдатель был введен в заблуждение.

Теперь я убедился, что меня охраняет некая сверхъестественная сила. Ниспосланное свыше спасение придало мне отвага, и я возобновил открытые посещения склепа, уверенный, что никто не увидит, как я туда проникаю. Целую неделю я от души наслаждался, разделяя приятное общество мертвецов, на чем я не должен и не желаю здесь останавливаться, как внезапно приключилось нечто, доставившее меня в эту ненавистную юдоль скорби и однообразия.

В ту ночь мне не стоило покидать дома, ибо атмосфера была предгрозовой, порой в свинцовых тучах погромыхивал гром, и зловонное болото на дне лощины было окутано адским свечением. Изменился и зов мертвых. Он звучал не из склепа, а с обугленных руин подвала на вершине холма, и, когда вышел из рощи, оказавшись на голом пространстве перед развалинами, могущественный демон поманил меня оттуда незримой рукой. В неверном свете луны я увидел то, что всегда невидимо присутствовало во мне.

Особняк, сто лет назад стертый с лица земли, снова восстал перед моим потрясенным взором во всем своем великолепии. Во всех окнах ярко сияли многочисленные люстры. По длинной аллее, ведущей к парадному входу, катили кареты мелкопоместных дворян, обгоняя вереницы изысканных гостей в пудренных

париках, что явились пешком из ближних особняков. Я смешался с этой толпой, хотя понимал, что принадлежу скорее к хозяевам, чем к гостям. В огромном зале гремела музыка, звучал веселый смех, и тысячи свечей бросали яркие блики на бокалы с вином. Некоторые лица были мне смутно знакомы; я мог бы знать их и лучше, когда бы их черты не были отмечены печатью смерти и разложения. Я чувствовал себя всеми покинутым в этой бурно веселящейся праздной толпе, и богохульства, достойные посрамить самого Рэя, непрерывно срывались с моих уст, и мои остроумные язвительные высказывания не щадили ни законов Божеских, ни законов природы.

Внезапно над несмолкаемым гомоном собрания изо всех сил грянули раскаты грома. Расколов крышу, они заставили онеметь от страха и самых отважных в этой разгульной толпе. Дом оказался объят багровыми языками пламени и жгучими вихрями раскаленного воздуха. В панике от обрушившейся на них катастрофы, преступавшей, казалось, все пределы буйства природы, все участники странного шабаша спасались бегством во мрак. Я остался в одиночестве, прикованный к месту унижительным страхом, никогда не веданным прежде. И тут душа моя исполнилась новым ужасом: моя заживо сгоревшая дотла плоть прахом развеялась всеми четырьмя ветрами. Я же никогда не смогу отыскать свое место в склепе Хайдов! Разве для меня не был приготовлен гроб? Или не имею права упокоить свои останки среди потомков сэра Джеффри Хайда? Да! Однако я потребую у смерти свое, пусть даже душа моя будет через века искать спасения, дабы вновь одеться плотью и обрести приют на пустующей мраморной плите в нише склепа. Джервас Хайд обязан сделать это, никогда не разделит он злосчастной участи Палинура!

Когда видение пылающего дома исчезло, оказалось, что меня держат двое мужчин, причем один из них был тот, кто следил за мной у склепа. Я вопил и вырывался как безумный. Поток хлестал дождь, в южной части неба вспыхивали молнии, и прямо над нашими головами слышались раскаты грома. Я продолжал громко требовать, чтобы меня погребли в склепе Хайдов, а рядом стоял мой отец; лицо его избороздили скорбныморщины. Он непрерывно напоминал державшим меня, чтобы со мною обращались сколь возможно мягче. Почерневший круг на полу разрушенного подвала свидетельствовал о страшнейшем ударе молнии. Кругом с фонарями в руках толпились любопытствующие селяне. Они искали маленькую старинную шкатулку, которую высветила вспышка молнии.

Поняв, что все мои попытки освободиться напрасны, я прекратил отбиваться и принялся наблюдать за искателями клада. Мне разрешили присоединиться к ним. В шкатулке, чей замок был сбит ударом молнии, вырвавшей ее из земли, нашлось много документов и ценностей. Но мой взгляд привлек лишь один предмет - фарфоровый миниатюрный портрет молодого человека в аккуратно завитом парике с косицей. Я сумел разобрать инициалы "Дж.Х." Лицо его могло быть моим отражением в зеркале.

На другой день меня привели в эту комнату с решетками на окнах. Но я узнавал обо всем, о чем хотел, от старого простодушного слуги, сочувствовавшего моей юности, и, подобно мне, любящего погребения. То, что я осмелился поведать о пережитом мною в склепе, у других вызывало лишь снисходительные улыбки. Отец

мой, часто посещающий меня, уверяет, будто я никак не мог проникнуть через цепь и дверь, и божится, что к ржавому замку не прикасались, наверное, уже полвека. Он сам все проверил и убедился я этом. Он утверждает даже, будто в поселке все знали о моих походах к склепу и следили за мной, нока я спал снаружи, с полузакрытыми глазами, устремленными на приотворенную дверь. Этим утверждениям я не могу противопоставить никаких вещественных доказательств, ибо ключ от замка пропал в ту страшную ночь, когда меня схватили. Отец не придает значения и моим необычным познаниям о прошлом, заимствованным мною из встреч с мертвецами, считая их результатом запойного чтения старинных книг из фамильной библиотеки. Если бы не старый мой слуга Хайрэм, я бы и сам полностью уверился в своем безумии. Но Хайрэм, преданный мне до конца, верит мне и убедил меня открыть людям, хотя бы отчасти, свою историю. Неделю назад он отпер замок, снял с двери склепа цепь и, с фонарем в руке, спустился в его мрачные недра. На мраморной плите в нише он обнаружил старый, но пустой гроб. На потускневшей от времени табличке на нем имелось лишь одно имя, "Джервас". В том гробу и в том склепе меня и обещали похоронить.

Примечания:

Перевод В. Черных

Первый рассказ после девятилетнего периода, в течение которого Лавкрафт не писал художественные произведения.

Мономания - медицинский термин, означающий психическое расстройство, выражающееся в патологической одержимости одной идеей или влечением.

Плутарх (ок.45-ок.127) - древнегреческий писатель и историк. Главное сочинение - "Сравнительные жизнеописания" выдающихся греков и римлян (50 жизнеописаний).

Честерфилд Филип Дормер Стенхоп (1694-1773) - английский государственный деятель, дипломат и публицист. Автор наставительных "Писем к сыну" (изд. 1774).

Рочестер Джон Уилмот (1648-1680) - граф, английский поэт, фаворит Карла II.

Гэй Джон (1685-1732) - английский поэт и драматург, автор комедии "Опера нищих" (1728).

Прайор Мэтью (1664-1721) - английский поэт и дипломат. Автор эпиграмм, баллад, стихотворных пародий.

Король Георг - по-видимому, Георг I (1660-1727), английский король с 1714г.

Палинур - рулевой корабля Энея (Вергилий. "Энеида"), направлявшегося из Карфагена в Италию. Палинур заснул за рулем, упал за борт и погиб в волнах. Его тень не находила успокоения, пока тело не было похоронено Энеем.

*Перевод Вера Черных
Написано в июне 1917 года
Опубликовано в марте 1922 года в The Vagrant, No. 14, p. 50-64.
На русском языке впервые опубликовано в книге "Затаившийся страх" в 1992 году.*